

УДК 340.01

СТРУКТУРНО-КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ НОРМ**STRUCTURALLY-QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF PROCEDURAL-LEGAL STANDARDS****Б.В. Макогон****B.V. Makogon**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Makogon@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье представлена авторская позиция по поводу особенностей имеющих ограничительную сущность процессуально-правовых норм, структуры, в том числе, в корреляции с нормами материального права. На основании проведенного исследования предлагается авторское определение понятию «процессуально-правовая норма».

Abstract

The article presents the author's position on the features of the procedural and legal norms that have a restrictive nature, including structure, in correlation with the norms of substantive law. On the basis of the conducted research author's definition of the term "procedural and legal norm" is proposed.

Ключевые слова: юридический процесс, процессуальная норма, норма права.

Keywords: legal process, procedural provision, rule of law.

Исходя из тезиса о процессуальной норме как разновидности правовой, считаем логически верным, обоснованно ограничительную сущность процессуальных норм связать с достигнутым в юридической науке уровнем концептуальных разработок о правовой норме в целом.

Специфика, присущая норме процессуального права, не исключает универсальных признаков юридической нормы, не корректирует их обязательные свойства, а также не элиминирует из группы социальных норм [17, С. 44; Ченина, 1965, С. 4]. В связи с тем, что признаки норм права уже подробно исследовались в общеправовых трудах, нет необходимости останавливаться на них специально, определяя понятия процессуально-правовой нормы с точки зрения ее содержания и формы. Но в философской литературе понятие «форма» употребляется также в значении внутренней организации содержания, и в этом значении проблематика формы получает дальнейшее развитие в категории «структуры» [24, С. 334]. И определение процессуально-правовой нормы было бы неполным, если не обратить внимание на ее структуру. До определенного времени это свойство правовой нормы, как и другие, однозначно рассматривалось в юридической литературе. Господствующим являлось мнение о том, что всем нормам свойственна трехчленная структура [13, С. 242-243; 23, С. 389-390]. Подчеркивалось даже, что подобная структура юридической нормы является объективным законом [Явич, 1971, С. 73]. Этот взгляд был воспринят специалистами в области процесса [Ченина, 1973, С. 35]. «Почти все ученые-процессуалисты разделяют ту точку зрения, что процессуальные нормы, так же, как и нормы материального права, имеют трехчленную структуру», – писал по этому поводу

В.М. Горшенев [Горшенев, 1972, С. 226]. Тем не менее, стали появляться и иные суждения. Была выдвинута идея о том, что трехчленная формула присуща только логической норме [Рыбин, 1958, С. 41]. При этом от логической нормы необходимо отличать норму-предписание, которая содержит в зависимости от регулятивного или охранительного функционала нормы гипотезу и диспозицию или гипотезу и санкцию [Алексеев, 1975, С. 95] и т.д. Все эти соображения оказали определенное воздействие на выводы, делаемые по этому поводу представителями процессуальной науки.

Так, некоторые процессуалисты стали считать, что выводы науки о трехчленности структуры правовой нормы предполагают максимум из того, что может составлять норма. Вместе с тем необходимо учитывать минимум, обеспечивающий смысл юридического предписания. Диспозиция является таким минимумом для процессуальных норм. Ряд авторов полагает, что патология трехчленности структуры правовой нормы опосредована отсутствием в таковой установок относительно наличия (отсутствия) конкретных жизненных ситуаций, связанных ее действием, т.е. гипотезы [20, С. 62].

В теории права идентичный взгляд высказал А.С. Пиголкин [1972]. Он указал на то, что гипотеза является возможным, но совсем не необходимым элементом норм, осуществляющих положительное регулирование. Обнаруживаются и такие нормы, реализация которых не связана с конкретными факторами и возможна практически при любых условиях [Пиголкин, 1972, С. 24].

Заметим, приведенные позиции о структуре нормы права нельзя считать унифицированными и выступающими в качестве образца при исследовании процессуально-правовых норм.

Прежде всего, полагаем, что многообразие модели внутреннего строения юридических норм свидетельствует о несводимости их структуры к одной жесткой конструкции составляющих ее и взаимосвязанных элементов, о разнообразии правовых норм в зависимости от внутренней организации их содержания, от специфики регулируемых ими общественных отношений.

Остановимся на некоторых особенностях отдельных элементов процессуальных норм.

Есть основания рассматривать диспозицию в качестве части процессуальной нормы, в которой описана модель должного, возможного или возможно-должного поведения субъектов урегулированного общественного отношения в области юридического процесса. Специфика диспозиции процессуальной нормы связана с особенностями самой процессуальной деятельности. В юридической литературе внимание процессуалистов чаще всего обращается на то, что для всех предписаний процессуальных норм присущ процедурный характер; таковые, типично, адресованы субъектам, наделенным властными полномочиями в области применения материальных правовых норм [29, С. 36].

Процедурный характер диспозиций процессуальных норм обусловлен тем, что в них описано не только поведение участников процесса, но также способы, порядок, последовательность их совершения и форма утверждения результатов этих действий. Это бесспорно, так как структура процессуального действия включает такие элементы, как постижение цели и «решение принять ее, выбор процессуальных средств для достижения цели, исполнение принятого решения и обобщение полученного результата» [Дубриный, 1981, С. 99].

Сложная конструкция диспозиций процессуально-правовых норм и не может быть объяснена ничем иным, кроме сложности регулируемых ими общественных отношений, которая, в свою очередь, выражается в нескольких аспектах. Первый из них – ввиду полисубъектного характера процессуальной деятельности, отношения между участниками, как правило, выступают как взаимосвязь, взаимозависимость, взаиморазграничение одновременно между несколькими субъектами. Данный факт вызывает необходимость последовательного отражения и закрепления действий каждого участника. Отмеченный тезис подтверждается многочисленными примерами норм в процессуальном законодательстве: порядок очной ставки – ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [4] и последовательность проведения иных следственных действий.

Второй аспект связан с тем, что, реализуя процессуальную деятельность, осуществляется доказывание, которое предполагает характерный вид познания в рамках правоприменения. В данной связи итоги правоприменительной деятельности должны быть объективированы во вне в установленном порядке. Это не может не повлиять на форму диспозиции в процессуальной норме. Конечно, многочисленными являются статьи в процессуальном законе, регулирующие порядок фиксирования различных видов процессуальных действий. К примеру, в ст. 37 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних говорится, что «постановление комиссии должно быть изложено в письменной форме и мотивировано. В постановлении о применении меры воздействия указываются существо нарушения, доказательства, на основании которых принято решение, и определенная комиссией мера воздействия с приведением мотивов ее назначения...» [5].

Третий аспект – задачи современных форм государственной деятельности ориентируют не просто на совершение тех или иных процессуальных действий, а на их своевременный характер, на их осуществление в установленный темпоральный промежуток.

Поэтому в диспозициях норм, регулирующих такую деятельность, устанавливаются подчас и временные рамки (например, п. 11 ст. 5, ст. 6.1, ч. 1. ст. 10 УПК РФ).

Другая особенность диспозиции процессуально-правовых норм связана, как было отмечено, с тем, что в реализации различных форм государственной деятельности принимают участие компетентные органы и должностные лица, она моделируется в диспозициях компетенционных норм в виде полномочий (например, ст. 29 УПК РФ). Особенность сочетания прав и обязанностей в механизме регулирования поведения должностных лиц и органов заключается в том, что их права нередко служат одновременно их же обязанностью [Строгович, 1951, С. 74; Рахунов, 1961; Шакарян, 1970, С. 6]. Должностным лицам определены границы их прав по сравнению с иными лицами и органами. Вместе с тем возложена обязанность по использованию предоставленных прав исключительно в достижении назначенных целей [Строгович и др., 1979, С. 146-154]. Исходя из этого, процессуальные полномочия в «чистом» виде не представляется возможным отнести к процессуальным правам или же обязанностям. В некотором роде по своему назначению это продукт синтеза тех и других [Погребной, 1982, С. 11].

Главными среди полномочий государственных органов и должностных лиц, с юридической позиции, являются их властные права, т.е. права на совершение активных юридически значимых действий. Они состоят в наделении публичного властного субъекта возможностями своими односторонними действиями порождать, изменять или прекращать конкретные правоотношения [Алексеев, 1982, С. 152].

Понимая под санкцией ту часть нормы права, где сосредоточены меры государственного обеспечения действия ее диспозиции, сразу уточним, что в процессуальном праве, типично, поощрительные санкции не характерны. В силу этого обстоятельства в специальной литературе санкция правильно связана только с предписаниями невыгодных последствий невыполнения установок, зафиксированных в диспозиции [Горшенев, 1972, С. 227].

Вместе с тем, нет ни одной диспозиции процессуальных норм, за нарушение требований которых законодатель не предусмотрел бы определенные правовые последствия в виде различных мер государственного принуждения. Однако, здесь же необходимо обратить внимание на то, что эти меры не всегда локализованы в тексте закрепляющей соответствующую диспозицию статьи.

Надо сказать, что в разработках отечественных правоведов отсутствует единое мнение по поводу отнесения к санкциям процессуально-правовых норм различных мер государственного воздействия. Относительно последних – их число либо безосновательно увеличивается, или же уменьшается. Отдельные ученые, не имея достаточных оснований, относят к системе санкций норм процессуального права меры пресечения [Еникеев, 1978, С. 11-15; Пиголкин, 1960, С. 181], отстранение от должности обвиняемого, выемку, освобождение незаконно лишеного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором [Зусь, 1976, С. 22] и др. Полагаем, пере-

численные действия выступают в качестве гарантий достижения целей процесса или средствами их достижения, но не являются мерами по обеспечению действия конкретной процессуальной нормы. Основанием их применения не является правонарушение в области правоприменительной деятельности. Только в одном из упомянутых выше случаев мера пресечения может рассматриваться в качестве санкции процессуальных норм – это возможность изменения меры пресечения на более строгую, когда это обусловлено обстоятельствами дела (ч. 1 ст. 110 УПК РФ). Но это как раз есть случай отклонения от требований диспозиции процессуальной нормы, в которой устанавливалась первоначально избранная мера пресечения.

Гипотеза присутствует не во всех процессуальных нормах. Ее нет в установлениях постоянного действия, определяющих, к примеру, цели, задачи, принципы процессуальной деятельности (Глава 2 УПК РФ), полномочия должностных лиц (ст.ст. 54, 241, 328, 390 и др. Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации – далее ГПК РФ [2]), правовой статус участников процесса (Глава 4 ГПК РФ) и т.д.

Гипотеза обладает определенными особенностями, если в норме процессуального права, располагающей своей гипотезой, содержится указание на жизненные ситуации, приводящие ее «в рабочее состояние» и способствующие началу реализации. В доктринальных правовых источниках имеется мнение, суть которого состоит в том, что общими гипотетическими условиями для процессуальной нормы могут выступать факты, имеющие отношение к реализации или нарушению диспозиции нормы материального права. В данной связи в гипотезе процессуальной нормы как бы наличествует норма материального права, определяющая по мере своего осуществления ее частное условие [Горшенев, 1972, С. 227]. Приведенная позиция высказана небезосновательно.

Так, нередко в качестве общего юридического условия возникновения самого юридического производства, а, следовательно, и реализации процессуальных норм, выступает такое жизненное обстоятельство, которое при соотношении с требованиями материально-правовых норм является отступлением от них или их соответствием. Последнее связано с наступлением указанных в гипотезе материально-правовой нормы жизненных ситуаций, а первое подразумевает факты, нарушающие ее диспозицию. Однако после наступления данных обстоятельств материально-правовая норма приходит в состояние «покоя» и ее последующее осуществление (в части диспозиции и санкции) возможно, типично, только после завершения юридического процесса, т.е. после реализации процессуальных норм. Помимо прочего, следует учитывать, что, с одной стороны, материально-правовые факты могут наличествовать и при отсутствии по различным причинам юридического процесса. С другой – в рамках осуществления норм процессуального права возможно выявление отсутствия таких фактов, как это бывает, скажем, при постановлении судом оправдательного приговора по п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду отсутствия события преступления. В данных условиях возникают сложности с оценкой модели материально-правовых фактов как компонентов содержания гипотез процессуальных норм.

Диспозиция каждой процессуальной нормы предполагает собственные специальные условия для реализации, составляющие содержание их гипотез. Особенностью такого рода гипотез является то, что они часто таким специальным условием называют индивидуально-правовое регулирование. Целью последнего является установление наличия или отсутствия универсальных правовых обстоятельств, относящихся к фактам осуществления материально-правовых норм, т.е. к нарушению диспозиции материально-правовой нормы или указанным в ее гипотезе обстоятельствам.

Так, даже самые совершенные принципы и нормы права, содержащиеся в формах международного и (или) национального права, реализуемые в государстве, по целому ряду объективных и субъективных причин недостаточны для регулирования фактических многообразных и развивающихся общественных отношений [Ершов, 2013, С. 8-17]. В этой связи объективна необходимость индивидуально-правового регулирования. В российском законодательстве в качестве примера можно назвать ст. 153 (добровольное заключение двух-

или многосторонних сделок), п. 2 ст. 154 (совершение односторонних сделок) Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс РФ) [1].

Иногда гипотеза процессуальной нормы указывает на то, что должностными лицами обязаны устанавливаться такие факты и обстоятельства (хотя и имеющие отношение к фактам материально-правового характера, но предусмотренные процессуальным законодательством) после того или иного действия (волеизъявления) сугубо процессуального порядка. Так, гипотеза процессуально-правовой нормы, которая определяет порядок возбуждения уголовного дела, ориентирует на существование процессуального действия, являющегося соответствующим к тому поводом (ст. 140 УПК РФ). Одновременно присутствующее в гипотезах процессуальных норм индивидуально-правовое регулирование, исполняемое должностными лицами, может быть ориентировано на определение наличия (отсутствия) фактов и обстоятельств, обладающих только процессуальным характером.

Указанная особенность гипотезы нормы процессуального права не исключает того, что диспозиция иных процессуальных норм может быть введена в действие при более простых процессуальных обстоятельствах (в гипотезе отмечена конкретная жизненная ситуация). Примером данного тезиса может быть гипотеза, содержащаяся в норме ст. 118 ГПК РФ, в которой изменение адреса во время производства по делу является юридическим фактом, влекущим определенные последствия.

Итак, представленные рассуждения являются общей характеристикой структуры нормы процессуального права. Сами эти нормы представляют собой установленные (санкционированные) и обеспеченные государством общеобязательные правила поведения, направленные в своем единстве на регулирование объективно обособленных репрезентативных отношений, возникающих при реализации различных форм государственной деятельности в соответствии с материально-обусловленной волей, а также с учетом социальных интересов населения.

Список литературы References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета. – 1994, 8 декабря; 2016, 12 июля.
Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30 nojabrja 1994 g. № 51-FZ (red. ot 03.07.2016 g.) // Rossijskaja gazeta. – 1994, 8 dekabrja; 2016, 12 ijulja.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета. – 2006, 22 декабря; 2016, 8 июля.
Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaja) ot 18 dekabrja 2006 g. № 230-FZ (red. ot 03.07.2016 g.) // Rossijskaja gazeta. – 2006, 22 dekabrja; 2016, 8 ijulja.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета. – 2002, 20 ноября, 2016, 8 июля.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) // Российская газета. – 2001, 22 декабря; 2016, 11 июля.
Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrja 2001 g. № 174-FZ (red. ot 06.07.2016 g.) // Rossijskaja gazeta. – 2001, 22 dekabrja; 2016, 11 ijulja.
5. Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» (ред. от 25.02.1993 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1967. – № 23. – Ст. 536; Российская газета. – 1993, 19 марта.
Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 3 ijunja 1967 g. «Ob utverzhenii Polozhenija o komissijah po delam nesovershennoletnih» (red. ot 25.02.1993 g.) // Vedomosti VS RSFSR. – 1967. – № 23. – St. 536; Rossijskaja gazeta. – 1993, 19 marta.
6. Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975. – 258 с.
Aleksseev S.S. Struktura sovetskogo prava. – M., 1975. – 258 s.
7. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М., 1982. – 360 с.
Aleksseev S.S. Obshhaja teorija prava. T. 2. – M., 1982. – 360 s.
8. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972. – 258 с.

Gorshenev V.M. Sposoby i organizacionnyye formy pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom obshhestve. – M., 1972. – 258 s.

9. Дубринный В.А. О системно-структурном подходе к анализу содержания процессуальной деятельности следователя // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. – Саратов, 1981. – С. 98-100.

Dubrivnyj V.A. O sistemno-strukturnom podhode k analizu sodержaniya processual'noj dejatel'nosti sledovatelja // Problemy pravovogo statusa lichnosti v ugovolnom processe. – Saratov, 1981. – S. 98-100.

10. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. – 2013. – № 2. – С. 8-17.

Ershov V.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij kak parnye kategorii // Rossijskij sud'ja. – 2013. – № 2. – S. 8-17.

11. Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. – Уфа, 1978. – 72 с.

Enikeev Z.D. Mery processual'nogo prinuzhdenija v sisteme sredstv obespechenija obvinenija i zashhity. – Ufa, 1978. – 72 s.

12. Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. – Владивосток, 1976. – 108 с.

Zus' L.B. Mehanizm ugovolno-processual'nogo regulirovaniya. – Vladivostok, 1976. – 108 s.

13. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973. – 647 с.

Marksistsko-leninskaja obshhaja teorija gosudarstva i prava. Socialisticheskoe pravo. – M., 1973. – 647 s.

14. Пиголкин А.С. Нормы Советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. Сборник статей. – М., 1960. – С. 148-193.

Pigolkin A.S. Normy Sovetskogo socialisticheskogo prava i ih struktura // Voprosy obshhej teorii sovetskogo prava. Sbornik statej. – M., 1960. – S. 148-193.

15. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1972. – 39 с.

Pigolkin A.S. Teoreticheskie problemy pravotvorcheskoj dejatel'nosti v SSSR: Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. – M., 1972. – 39 s.

16. Погребной И.М. Общетеоретические проблемы производства в юри-дическом процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1982. – 16 с.

Pogrebnoj I.M. Obshheteoreticheskie problemy proizvodstva v juri-dicheskom processe: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Har'kov, 1982. – 16 s.

17. Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях) / под ред. И.А. Галаган. – Воронеж, 1985. – 208 с.

Processual'nye normy i otnoshenija v sovetskom prave (v «nepro-cessual'nyh» otrasljah) / pod red. I.A. Galagan. – Voronezh, 1985. – 208 s.

18. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М., 1961. – 277 с.

Rahunov R.D. Uchastniki ugovolno-processual'noj dejatel'nosti po sovetskomu pravu. – M., 1961. – 277 s.

19. Рыбин А.В. Виды и структура правовых норм // Ученые записки Пермского университета. – 1958. – Т. XV. – Вып. 3. – С. 25-45.

Rybin A.V. Vidy i struktura pravovyh norm // Uchenye zapiski Permskogo universiteta. – 1958. – T. XV. – Vyp. 3. – S. 25-45.

20. Советский уголовный процесс / под ред. И.В. Тыричева, П.А. Лупин-ской, Ф.Н. Фаткуллина. – М., 1980. – 568 с.

Sovetskij ugovolnyj process / pod red. I.V. Tyricheva, P.A. Lupin-skoj, F.N. Fatkullina. – M., 1980. – 568 s.

21. Строгович М.С., Алексеева Л.В., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М., 1979. – 319 с.

Strogovich M.S., Alekseeva L.V., Larin A.M. Sovetskij ugovolno-processual'nyj zakon i problemu ego jeffektivnosti. – M., 1979. – 319 s.

22. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. – М., 1951. – 191 с.

- Strogovich M.S. Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugovnom processe. – М., 1951. – 191 с.
23. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. – М., 1972. – 523 с.
Teorija gosudarstva i prava / pod red. A.I. Denisova. – М., 1972. – 523 s
24. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 4-е изд. - М.: Политиздат, 1980. - 444 с.
Filosofskij slovar' / Pod red. I.T. Frolova. - 4-e izd. - М.: Politizdat, 1980. - 444 s. s
25. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1965. – 38 с.
Chechina N.A. Normy grazhdanskogo processual'nogo prava i ih primenenie: Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. – L., 1965. – 38 s.
26. Чечина Н.А., Элькин П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 33-34.
Chechina N.A., Jel'kind P.S. Ob ugovno-processual'noj i grazhdansko-processual'noj otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1973. – № 9. – S. 33-34.
27. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. – М., 1970. – 213 с.
Shakarjan M.S. Sub#ekty sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. – М., 1970. – 213 s.
28. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. – М., 1976. – 280 с.
Juridicheskaja processual'naja forma: teorija i praktika / pod red. V.M. Gorsheneva, P.E. Nedbajlo. – М., 1976. – 280 s.
29. Явич Л.С. Право и общественные отношения. – М., 1971. – 298 с.
Javich L.S. Pravo i obshhestvennye otnoshenija. – М., 1971. – 298 s.